
К. В. ФОМИН

ПОВОРОТ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ КАК ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ПРОБЛЕМА АВТОНОМИИ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена повороту к политическому в рамках критической теории. В качестве предмета анализа выступают три теории политики/политического, предложенные Ж. Рансьером, А. Бадью и Э. Лакло. Целью, которую ставит перед собой автор, является оценка последствий поворота к политическому для критической теории и антикапиталистической эмансипационной практики. Разделяя основные положения современной критической теории, автор анализирует одну из ее доминирующих тенденций.

В статье выделяются слабые черты марксистской теории революционной субъективности, способствующие формированию постмарксизма: постулирование существования четко определенного места возникновения субъекта; принятие тезиса о необходимости формирования монолитного класса, полностью осознающего свои интересы; утверждение единственной цели субъекта. Далее в статье рассматриваются теории дискурса М. Фуко и субъекта Ж. Лакана, которые необходимы для понимания постмарксистских подходов. Автор анализирует концепции Ж. Рансьера, А. Бадью и Э. Лакло с целью выявления общих черт, присутствующих подходам, отстаивающим автономию политического. В конце статьи выделяются положительные и отрицательные черты таких подходов. К положительным чертам можно отнести предоставляемую ими возможность рассмотреть политику с перспективы, дистанцированной от государственного аппарата. К отрицательным же автор относит: онтологизацию политики, невозможность проведения конкретного анализа конкретных ситуаций, формирование установок политического пессимизма и квиетизма.

Ключевые слова: критическая теория, марксистская ортодоксия, постмарксизм, революционная субъективность, политика, автономия политического, антагонизм, случайность.

The article is devoted to the turn to the political within modern critical theory. The subject of the analysis is the theories of politics/political proposed by Jacques Rancière, Alain Badiou, and Ernesto Laclau. The author's purpose is to assess the consequences for critical theory and anti-capitalist emancipation practice of the turn to the political. While sharing the major points of the modern critical theory, the author analyses one of the dominant trends of the latter.

The author highlights the weak points of the Marxist theory of revolutionary subjectivity that facilitate the formation of post-Marxism, namely: the existence of a clearly defined place of subject's emergency; a necessary process of formation of a monolithic class, which is fully aware of its interests; the defining of the subject's single purpose. Then the paper examines M. Foucault's theory of discourse and J. Lacan's theory of the subject, which are essential for the understanding of the post-Marxist approaches. Then the author analyses the conceptions proposed by J. Ranciere, A. Badiou and E. Laclau in order to identify the common features inherent to approaches that assert the autonomy of the political. Finally, the positive and negative features of such approaches are highlighted. The positive features include consideration of the politics from the point distanced from the state apparatus. The negative features include the ontologization of politics, the impossibility of "a concise analysis of particular situations", and formation of the attitudes of political pessimism and quietism.

Keywords: *critical theory, Marxist orthodoxy, post-Marxism, revolutionary subjectivity, politics, autonomy of the political, antagonism, contingency.*

В данной статье мы рассмотрим проблему автономии политики в современной критической теории. С конца 70-х гг. представители левой академической мысли стали разрабатывать новые концепции, призванные определить подлинное, независимое от социального и исторического контекста значение политики. В свете этих концепций многие современные социальные движения предстали как аполитические и были исключены из области рассмотрения теории. К ним можно отнести новые социальные и антиглобалистские движения XX в., движения «Занимай» (Occupy) XXI в. Новые концепции в рамках критической теории оказались малополезным инструментом в политическом анализе социальных движений современности. Исследованию причины такой ситуации будет посвящен наш текст.

В контексте данной статьи особое значение имеют такие пост-марксистские теоретики, как Ж. Рансьер, А. Бадью, Э. Лакло. Они одними из первых представителей критической мысли проблематизировали отношения между политикой и экономикой после пражских и парижских событий 1968 г. Их ответом на кризис марксистской теории стала разработка концепции автономии политического. Именно они являются символами поворота критической теории к политическому.

Политическое стало широко обсуждаемой темой среди немецких правоведов с 30-х гг. XX в. Дискуссия была спровоцирована появлением книги К. Шмитта, вводящей в академический оборот категориальную пару «друг/враг» [Шмитт 2016]. После определенного промежутка времени проблема политического ставится уже в ином контексте – послевоенной Франции. И только в 90-е гг. XX в. о политическом начинают говорить в англоязычном мире.

Вслед за О. Маршаром можно выделить две парадигмы исследования политического: ассоциативную и диссоциативную [Magchart 2007]. Среди сторонников первой можно назвать Х. Арндт, Э. Волрата, Ш. Волина. Политическое рассматривается этими авторами как пространство свободы и публичного обсуждения, то есть на передний план выходит аспект рациональности сообщества (*le politique*).

К сторонникам диссоциативной парадигмы, кроме уже упомянутого К. Шмитта, можно отнести Б. Ардити, Ш. Муфф, О. Негта, А. Ключе. Каждый из этих теоретиков подходит к политическому как пространству конфликта и антагонизма, то есть выделяются аспекты борьбы за власть и достижение стратегического баланса сил (*la politique*).

Значительный вклад в изучение исторического и теоретического контекста возникновения постмарксизма, определение его характерных черт внесли такие отечественные и зарубежные ученые, как П. В. Барковский, А. С. Колесников, С. Сим, Ж. Тауншенд и С. Торми, Ф. Голдштейн. Политические теории Ж. Рансьера, А. Бадью, Э. Лакло, Ш. Муфф стали объектом анализа таких авторов, как И. В. Гололобов, А. В. Магун, Б. Ю. Кагарлицкий, Б. Г. Ка-

пустин, П. Холлуорд, Э. Шаап, С. Чамберс, Р. Рорти, Б. Бостилс, О. Маршар, С. Кричли, Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен.

Материалы и методы

В статье мы будем исходить из основных положений современной критической теории. Она понимается нами как исследовательская программа, соответствующая базовым установкам Франкфуртской школы и служащая фундаментом для развития различных форм социальной критики. К основным положениям современной критической теории относятся следующие утверждения: 1) теория случайна (объект и факт мышления не являются предопределенными); 2) на место трансцендентального субъекта классической философии приходят такие квазитрансцендентальные инстанции, как жизнь, труд, язык и пр.; 3) социальные практики исчерпывают всю реальность (социальная реальность поглощает такие единства, как личность и природу); 4) теория связана с эмансипационной практикой.

Результаты и обсуждение

Пражские и парижские события 1968 г. и их влияние на критическую мысль. Обратимся к историческому фону перехода представителей критической теории от марксистских к постмарксистским позициям. События 1968 г. послужили катализатором формирования постмарксистского дискурса. Некоторыми представителями критической теории они были истолкованы как свидетельство конца и западного, и восточного марксизма. Последний в значительной степени утратил свою мобилизующую силу после событий Пражской весны, которые продемонстрировали несостоятельность образа Советского Союза как места антикапиталистических инициатив и модели для трудящихся масс по всему миру. «Социализм с человеческим лицом», за который выступала просоветская западная интеллигенция, а также многие левые активисты на Востоке, потерпел неудачу – или, скорее, он был подавлен советскими властями, которые становились все более нетерпимыми к инициативам на периферии коммунистического блока.

В том же году в Париже происходила студенческая революция, поддержанная рабочим движением, но не официальной коммуни-

стической партией. Европейский институционализированный марксизм раскололся на еврокоммунистические, маоистские, троцкистские движения и сталинистские фракции. События 1968 г. показали, что прогрессивная политика существовала вне марксистских партий и не под марксистским руководством. Она была на улицах, за дверями парламента. В авангарде этой политики были представители новых социальных движений. Традиционный монолитный революционный субъект, о котором писали ортодоксальные марксисты, рассеялся.

События 1968 г. высветили несколько слабых черт марксизма как теории революционного субъекта. К ним относятся: постулирование существования четко определенного места возникновения субъекта; принятие тезиса о необходимости формирования монолитного класса, полностью осознающего свои интересы; утверждение единственной цели субъекта. Раскроем каждый из этих моментов.

К. Маркс рассматривает тему революционной субъективности через призму продуктивной деятельности человека. Согласно немецкому философу, эта деятельность фундаментально изменилась вследствие прогрессивного разделения труда в обществе [Маркс 1955]. В этом плане становится понятным отношение Маркса к капитализму. Немецкий философ утверждает, что последний сыграл прогрессивную роль в истории, раскрыв ранее невиданный потенциал развития производства. Воздав должное исторической роли капитализма, мыслитель обращает внимание на его саморазрушительную траекторию развития. Эта историческая система создает условия для возникновения в центре производственной сферы класса, который призван сыграть роль ее могильщика [Там же]. Таким образом, для К. Маркса место появления революционного субъекта предопределено – это производственная сфера.

Исторические события, о которых говорилось выше, продемонстрировали неспособность теории К. Маркса предсказать появление революционного субъекта вне производственной сферы. Догматическое принятие постулатов исторического и диалектического материализма привело к слепоте представителей левого движения

в отношении новых требований, которые не были связаны с объективными экономическими интересами.

Следующим проблемным пунктом теории К. Маркса является необходимый характер формирования революционного субъекта. Немецкий философ полагал, что капитализм будет блокировать дальнейшее развитие производительных сил человечества, а также через свои постоянные кризисы демонстрировать присущие ему недостатки как в политическом, так и в экономическом плане [Маркс 1955]. На основании этого К. Маркс утверждает, что благодаря самому капиталистическому развитию становится возможной принципиально иная форма общества. Однако движение от одной формы общества к другой нельзя рассматривать ни как автоматическое, ни как спонтанное. С субъективной точки зрения, революционные социальные изменения зависят от коллективного субъекта, который осознал их фундаментальную необходимость. Маркс считал, что эта задача ложится на тех, чья субъективность находится в центре производственного процесса. Эти потенциальные агенты исторических преобразований благодаря воспитательному процессу классовой борьбы с течением времени должны трансформироваться из «класса в себе» в «класс для себя». Избегая односторонности в трактовке Маркса, мы должны также отметить тот факт, что в теории революционной субъективности рассматривается вопрос преодоления партикулярных интересов рабочего класса и превращения его в класс для других.

События 1968 г. заставили пересмотреть тезис К. Маркса о необходимом характере формирования революционного субъекта. Скрытая посылка о политике, репрезентирующей объективные группы, перестала казаться самоочевидной. Кроме того, было поставлено под вопрос суждение об изначально гарантированном единстве революционного сознания.

Третий пункт теории Маркса, ставший проблематичным после 1968 г., – определение захвата политической власти и установление диктатуры пролетариата в качестве цели революционной субъективности [Там же]. Это было центральное положение его теории в двух отношениях. Во-первых, данный аспект борьбы носил вос-

питательную функцию, как и предшествующая профсоюзная борьба. Причина этого заключалась в следующем: согласно Марксу, только захватив власть, рабочий класс обнаруживает свою политическую и экономическую способность к самоуправлению. Во-вторых, создание рабочего государства было только первым шагом к самороспуску рабочего класса и завершению истории эксплуатации и классового антагонизма.

Подход К. Маркса, концентрирующийся на проблеме эксплуатации, оказался невосприимчив к антииерархическим и антибюрократическим лозунгам 1968 г. Рассматривая ситуацию с перспективы немецкого философа, представители левого движения упускали возможность иного целеполагания революционного субъекта – преодоления неэкономических видов несправедливости.

Исторические события конца 60-х гг. XX в. продемонстрировали ограниченность марксистской теории. Они стимулировали обращение тех, кто идентифицировал себя с критической мыслью, к иным теоретическим ресурсам. Поиск критических теоретиков был направлен на концепции, учитывающие автономность политико-идеологического уровня.

Поиск альтернативных теоретических ресурсов и формирование гетерогенного множества постмарксистов. При рассмотрении вопроса формирования постмарксизма нам необходимо учитывать аспект преемственности и аспект отмежевания. Постмарксисты являются *постмарксистами*, потому что обращаются к проблемам, которые впервые поставил К. Маркс. Они *постмарксисты* ввиду того, что решение проблем связывается с обращением к иным теоретическим ресурсам [Торгтеу 2006]. Именно здесь проходит демаркационная линия между такими неортодоксальными марксистами, как Д. Лукач, А. Грамши, Э. Блох, и анализируемыми в нашей статье теоретиками.

Рассмотрим центральные теории, к которым обратились критические теоретики, неудовлетворенные марксистской ортодоксией. К ним можно отнести теорию дискурса М. Фуко и теорию субъекта Ж. Лакана. Первая теория представляет собой часть археологии знания. На начальном этапе своего творчества М. Фуко фокусиру-

ется на правилах, позволяющих определять истинность высказываний в определенную историческую эпоху. Французским философом дискурс определяется как группа высказываний, относящихся к одной и той же дискурсивной формации. Он строится на основе ограниченного количества утверждений, по отношению к которым можно определить совокупность условий их существования. В этом смысле дискурс представляет собой фрагмент истории [Фуко 2004].

Теория дискурса получила развитие на генеалогическом этапе. Уже в «Надзирать и наказывать» Фуко формулирует теорию власти/знания [Его же 2016]. Французский философ стремится уйти от негативной концепции власти, которой придерживались Т. Гоббс и М. Вебер. Согласно М. Фуко, власть следует понимать не только как исключительно репрессивную, но и как продуктивную силу. Она конституирует дискурс, знание, сущности и в конечном счете реальность. Необходимо отметить, что на втором этапе творчества Фуко акцент делается на социально-политическом смысле дискурсов, то есть символической работе по воспроизводству общественных отношений.

Наравне с теорией М. Фуко на постмарксистское теоретическое направление также повлияла теория Ж. Лакана. Согласно психоаналитической теории субъекта, вследствие репрессированных детских желаний человеческие существа конституированы внутренней примордиальной нехваткой, которая будет постоянно беспокоить индивида на протяжении всей его жизни и проявлять себя множеством различных способов [Stavrakakis 1999]. Эта онтологическая нехватка является конститутивной нехваткой, и субъект формируется в результате постоянных попыток скрыть – или заполнить – ее. В вечном поиске утраченной идентичности индивидуальный и коллективный субъект пытаются достигнуть завершенности в общественно-политических объектах идентификации, которые Ж. Лакан называл «*objet petit a*» (объект-причина желания) (то есть идеологии, политические партии, рекламируемые объекты и т. д.).

Определенные аспекты вышеупомянутых концепций, и не обязательно одни и те же, были включены постмарксистами в свои теории. Если к этому факту добавить отсутствие какого-то общего

признака, определяющего специфику направления, помимо неудовлетворенности ортодоксальным марксизмом, то становится понятной невозможность говорить о постмарксистах как о едином течении.

По этой причине нам представляется предпочтительной трактовка категории «постмарксизм» С. Торми и Ж. Тауншенда. К категории «постмарксистов» они относят представителей критической теории, утверждающих, что марксизм находится в кризисе, и вместе с тем отстаивающих необходимость анализа работы и наследия К. Маркса для воссоздания критики и политического ответа развитому капитализму [Tormey 2006]. Категорию постмарксистов С. Торми и Ж. Тауншенд предлагают трактовать как открытую категорию, члены которой связаны друг с другом «фамильным сходством».

Переоценка политики в постмарксистских теориях Ж. Рансьера, А. Бадью и Э. Лакло. В рамках нашей статьи больший интерес представляют такие авторы, как Ж. Рансьер, А. Бадью, Э. Лакло. Именно они довели до логического предела идею автономии политического в рамках современной критической теории. Последовательно рассмотрим каждую из постмарксистских теорий.

Начнем с трактовки политики Ж. Рансьера. Отправной точкой для разработки теории стало исследование проблемы воспроизводства академической иерархии. В книге «Невежественный учитель» французский философ предпринимает попытку критического исследования процесса формирования педагогики, призванной увековечить авторитетную позицию интеллектуала, предположительно знающего [Rancière 1991]. Такая педагогика изначально трактует ученика как сосуд, который нужно заполнить знаниями, то есть как человека, лишенного знания. Вместе с педагогикой Ж. Рансьер подвергает критике социологический подход, опирающийся на образ студентов как объектов знания. Согласно этому подходу, социолог точно знает, в какие системы включены студенты и какие места они занимают в социальной структуре. Если вернуться к событиям 1968 г., то можно увидеть, как два процесса дискурсивного формирования «человека, лишенного знания», усиливали друг дру-

га в оценочных суждениях Л. Альтюссера и представителей французской коммунистической партии относительно студентов-радикалов. Один процесс мог поддерживать другой, так как социологическое знание о студентах в своей основе является знанием педагогических техник передачи знания [Fiskin 2012].

Критикуя попытки дискурсивного конструирования «людей, лишенных знаний», Ж. Рансьер отстаивает эгалитаристскую позицию, исключаящую любое естественное различие между лидерами и последователями. Для обозначения фундаментального равенства французский философ в книге «Урок Альтюссера» использует выражение «равенство в отношении знания» [Ranciere 2011]. Впоследствии оно трансформировалось в «равенство в отношении понимания». Этим выражением французский философ стремится зафиксировать «равенство говорящих существ» [Рансьер 2013: 67]. Согласно Рансьеру, любой иерархический порядок опирается на это равенство, так как подчинение порядку предполагает понимание порядка и понимание необходимости ему подчиняться.

Утверждение такого равенства и демонстрация отсутствия всякого основания иерархического порядка определяются французским философом как политика. Институты и практики, обычно определяемые как «политические» (парламенты, выборы, общественное мнение), в свою очередь, подводятся Ж. Рансьером под категорию «полиция», так как они призваны поддержать четко иерархизированный порядок здравого смысла [Рансьер 2013]. Таким образом, политика представляет собой практику, направленную на подрыв полицейской логики, посредством утверждения логики равенства.

Данная практика не предполагает существования какой-нибудь четко определенной идентичности. Согласно Ж. Рансьеру, базовым принципом политики является принцип «держаться за то, что не может быть выражено в категориях идентичности». Парадоксальной целью данной эгалитарной политики будет формирование диссensusного сообщества, члены которого сознательно подчеркивают искусственный характер образования и отрицают наличие между ними какой бы то ни было органической связи. Именно эта харак-

терная черта политики предопределяет ее редкий и скоротечный характер.

Образуемые диссенсусные сообщества на протяжении всей человеческой истории выполняли одну и ту же функцию: подрыв распределения ролей в политическом сообществе. Они задним числом делали очевидным базовое разделение между сообществом как организованным целым и частью, которая не имеет в нем своего места. Эти сообщества указывали на способ рассмотрения политического сообщества, отличный от подсчета его частей.

Таким образом, политика определяется Ж. Рансьером как практика оспаривания иерархического порядка, осуществляемая неучтенными. Строящийся на игнорировании вопроса отношений между политикой и полицией подход французского философа мало способствуют углублению понимания политики в рамках критической теории. Теория, не ставящая вопроса условий возникновения политического действия, является неэффективным инструментом для антикапиталистической эмансипационной практики.

Обратимся к теории политики А. Бадью. Разработка этой теории была мотивирована упадком революционной активности 70-х гг. XX в. Французский философ стремился переосмыслить отношение между субъектом и «объективным базисом» в недиалектическом ключе. Результат переосмысления был зафиксирован в книге А. Бадью «Бытие и событие» [Badiou 2005]. В ней французский философ утверждает, что между субъектом и объективным базисом может быть установлена только случайная связь. Для прояснения этой связи необходимо обратиться к математической онтологии А. Бадью.

Французский философ полагает, что субъект не детерминирован историей, то есть является свидетельством фундаментальной контингентности мира. А. Бадью выводит не-необходимость мира из онтологического тезиса. Неизмеримый избыток подмножеств над элементами может привести к нарушению порядка любой ситуации, то есть сосчитанной множественности. Ничто не защищает от появления основополагающей пустоты, неструктурированного «ничто», не воспринимаемого как элемент ситуации.

Согласно французскому философу, каждая ситуация содержит элементы «на краю пустоты», то есть элементы, которые полно-

стью не детерминированы другими элементами ситуации. Такой тип элементов получил название «событийное место» [Badiou 2005: 175]. Именно в силу своего отчасти недетерминированного характера они являются объективным условием возможности непредсказуемого события. Последнее определяется А. Бадью как момент заявления о себе неподсчитанного, развертывание неучтенной пустоты ситуации [Hallward 2003]. Крайне важно, что для французского философа одной из особенностей события является его эфемерный характер: оно исчезает так же быстро и неожиданно, как и появляется.

Другой характерной чертой события является его неразрешимость: изнутри ситуации нельзя доказать, было ли событие и связано ли оно каким-либо образом с конкретной ситуацией. Поэтому событие нуждается в поддерживающем механизме: вмешательстве. Его сущность заключается как в «незаконном именовании», так и в «выведении следствий из именованного в ситуации, к которой событийное место принадлежит» [Badiou 2005: 203]. Совокупность процедур активиста, осуществляющего вмешательство, А. Бадью называет «верностью». Французский философ подчеркивает специфику такой деятельности. Верность не является просто еще одной процедурой счета за одно: верность пытается установить согласованность ситуации с тем, что не учитывалось изначально [Badiou 2005]. Она нацелена на установление ситуации, основанной на ином режиме включения. Результат учреждения положительной связи между событием и его ситуацией А. Бадью называет «генерической истиной» (*generic truth*). Именно здесь различие между «знанием» и «истиной» приобретает первостепенное значение, то есть различие между организацией ситуации до события и после.

Это (мета)онтологическое исследование релевантно для политики, так как она является одной из областей, в которой имеют место событие и верность. Согласно А. Бадью, политическая деятельность представляет собой разновидность практики конструирования истины, которая вводит нечто новое и несовместимое с нашим знанием о ситуации. Можно выделить две характерные черты этой практики:

1. Она предполагает принятие фундаментальной аксиомы равенства. Будучи аксиоматическим, такое равенство является поли-

тическим принципом, которого нужно безоговорочно придерживаться [Бадью 2005]. Исходя из аксиомы равенства, политические активисты выдвигают ряд эгалитаристских предписаний против государства – то есть против социальной структуры, которая через «включение/учет» неизменно относится к людям как принципиально неравным.

2. Такой тип практики в значительной степени определяется контекстом. Хотя прескриптивное равенство стремится изменить ситуацию в целом – и, таким образом, адресовано всем, – эгалитаристские предписания всегда должны в конечном счете работать в рамках определенного места. В этом смысле политика предписания связана с местами, которые обычная партийная политика государства игнорирует: улицы, заводы, предместья и клубы иммигрантов [Там же].

Итак, А. Бадью определяет политику как организованную трансформацию ситуации, исходя из аксиомы равенства. В теории французского философа очевидна тенденция к этизации политики, то есть вынесение за рамки рассмотрения аспекта власти. Она превращает подход в малопродуктивный инструмент политического анализа. Принятие постулата о случайной связи между субъектом и объективным базисом делает для политического активиста попытки трансформации экономических процессов бессмысленными.

Перейдем к теории политики Э. Лакло. Аргентинский философ обратился к теме политики в связи с проблемой «преодоления платоновской пещеры классового редукционизма» [Laclau 1977: 12]. Лакло под последним понимает усилия Маркса и марксистов, направленные на выведение классовой борьбы из объективной экономической логики капитализма. Для него такие попытки выведения изначально обречены, так как строятся на предположении связи между несоизмеримыми вещами: капитализмом как экономической системой с определенными внутренними противоречиями и политическими отношениями между классами, вызванными антагонизмом. Согласно Э. Лакло, наличие противоречий не предполагает антагонизма, так же как последний не опирается на противоречие [*Idem* 1990]. Те, кто пытается вывести одно из другого, игнорируют размещение противоречий и антагонизма на различных теоретических уровнях.

Согласно марксистской теории, противоречия – это объективный феномен, нечто, существующее внутри определенного способа производства. Именно по причине своего объективного характера экономические противоречия несовместимы с антагонизмом. Они представляют собой лишь момент негативности, подчиненный позитивному порядку [Laclau 1990]. Две стороны противоречия противоположны только тогда, когда рассматриваются локально, то есть вообще не противоположны, а дополняют друг друга. Согласно Э. Лакло, минимальным условием возникновения антагонизма или подлинной противоположности является отсутствие между ними посредника. Антагонизм имеет место там, где попытка соотнесения элементов с тотальностью блокируется зависимостью этой предположительной тотальности от чего-то внешнего, то есть неполнотой тотальности. Именно по этой причине антагонизм рассматривается Лакло как «предел всякой объективности» [*Ibid.*: 17].

Распространив антагонизм на социальную структуру в целом, Э. Лакло пришел к идее «политического», то есть конфликтного измерения общества, которое осознается в полной мере лишь в редкие моменты его органического кризиса. Аргентинский философ утверждает, что любой социальный порядок, будучи пронизан радикальной случайностью, не может быть зафиксирован раз и навсегда. Он может достичь лишь относительной стабильности. Для Лакло эта стабильность будет носить идеологический характер, то есть относительное единство общества достигается посредством фиксации значения социальных объектов (социальных идентичностей, общественных систем, культурных ценностей, практик повседневной жизни и т. д.) [Гололобов 2003]. Дискурсивная практика, направленная на формирование социального мира посредством фиксации значения, получает название «политика». Важно отметить, что эта практика различных групп, борющихся за символическую гегемонию, может работать в двух направлениях: закреплять натурализованный взгляд на вещи или оспаривать его, реактивируя политический, то есть случайный, исток всякого значения.

Таким образом, Э. Лакло трактует политику как идеологическую борьбу за определение категорий, в которых мы осмысливаем

реальность. Подход аргентинского философа, принимающий во внимание измерение власти, расширяет возможности понимания и описания политических процессов в рамках современной критической теории. Но в отношении антикапиталистической эмансипационной практики он малопродуктивен из-за того, что концентрируется на символическом измерении.

Сопоставив позиции трех вышеупомянутых авторов, мы можем перечислить четыре положительных характеристики, которые они приписывают политике:

1) Первое отличительное свойство политики заключается в том, что она касается самого интенсивного и крайнего антагонизма. Политика имеет место там, где мы сталкиваемся с фундаментальным противоречием, рационального способа разрешения которого не существует: противоречие между несовместимыми интересами, между несовместимыми идентичностями, между двумя способами подсчета частей политического сообщества.

2) Из неразрешимого характера конфликта следует другая определяющая характеристика политики – ее случайность. Для всех постмарксистов политические процессы не являются предзаданными, то есть они не определяются философской рациональностью или историческим процессом.

3) Политика предполагает властное решение, завершающее все дискуссии. Ход мысли постмарксистов примерно следующий: если имеет место политический конфликт, рационального способа разрешения которого не существует, то единственным способом его прекращения могло бы быть навязывание одной стороной своего решения другой.

4) Четвертой чертой политики является наличие действий, производимых агентами, а не социальными силами или структурами. Необходимо отметить, что постмарксисты не трактуют политическое действие исключительно в волюнтаристском ключе и не рассматривают индивидов как абсолютно независимых от социальных структур. Они скорее утверждают, что политика предполагает действия, которые не являются полностью детерминированными социальной структурой.

Положительные и отрицательные черты постмарксистского теоретизирования. Ответив на вопросы, почему возникла потребность в разработке постмарксистских концепций и что они собой представляли, мы можем обратиться к последствиям их появления для критической теории и антикапиталистической эмансипационной практики. Необходимо рассмотреть положительные и отрицательные стороны постмарксистских теорий. Этой задаче будет посвящена оставшаяся часть статьи.

Постмарксистская проблематизация отношений между политикой и экономикой была сама по себе продуктивным шагом для критической теории. Она создала возможность для появления нередукционистских теорий. Но через определенный промежуток времени те же самые постмарксисты отчасти сами стали препятствием к их появлению. Определяющей чертой их работ был своего рода политикоцентризм. Необходимо учитывать сильную сторону постмарксистских теорий. Они позволяют взглянуть на политику под таким углом, с которого бы мы не могли этого сделать, учитывая социально-экономическую обусловленность: с перспективы, дистанцированной от государственного аппарата. Но эти же теории не лишены недостатков. Рассмотрим последовательно каждый из них.

Постмарксистские теории носят строго формальный характер. Попытки разработать теорию исторических трансформаций привели постмарксистов к деконтекстуализированной концепции автономии политического. В случае всех трех анализируемых авторов становится очевидным желание онтологизировать политику. Рассматриваемые нами постмарксистские теории строятся на предположении радикальной контингентности любого социального порядка, который является гарантией возникновения политического субъекта в тот или иной исторический период. Ж. Рансьер, А. Бадью и Э. Лакло предпринимают попытку подчинения политики философии, представляя радикализм в теории в качестве необходимого условия радикализма на практике.

Следующим пунктом критики является невозможность осуществления того, что В. И. Ленин назвал «конкретный анализ кон-

кретной ситуации». Постмарксисты, утверждая автономию политики, должны в равной степени полагать существование независимой социальной и экономической сфер. Однако в таком случае они теряют способность понимания того, как политическое действие могло бы произвести радикальное социальное преобразование. Повторно прочерчивая границу между сферой свободы и сферой необходимости, постмарксисты лишают себя возможности постижения политического действия как вмешательства, происходящего внутри и направленного против ограничений специфической ситуации.

Последним негативным моментом постмарксистского теоретизирования является замещение темы глобальной эмансипации, связанной с преодолением капиталистической мир-системы, темой локальной эмансипации. На передний план в теории выходят попытки защиты политики от колонизации социальной сферы. Это замещение способствовало изменению восприятия самого исхода эмансипационной практики. Принимая точку зрения трех анализируемых авторов, политические активисты должны признать бессмысленность своих действий, так как политический субъект изначально предполагается обреченным на инкорпорацию в социальную сферу (неучтенные станут принятыми во внимание, гетерогенное множество растворится в гомогенном народе). Получается, что постмарксистская политическая теория во многом способствует формированию установок политического пессимизма и квиетизма.

Таким образом, постмарксистские теории позволяют нам увидеть объяснительный потенциал и ограничения подходов, предполагающих автономию политического. Их сильная и одновременно слабая сторона заключается в радикализации разрыва между политикой и социально-историческим контекстом. Современным представителям критической мысли для развития теории требуется совершить диалектическую операцию отрицания по отношению к постмарксистскому подходу. Поиск новой трактовки политики, которая избегала крайностей экономического детерминизма и подхода, утверждающего автономию политического, представляется автору продуктивным направлением дальнейших исследований.

Заключение

В рамках данной статьи нами был рассмотрен исторический контекст, способствующий формированию постмарксизма. Мы выявили спорные моменты марксистской теории, высеченные событиями 1968 г. К ним можно отнести: постулирование существования четко определенного места возникновения субъекта; принятие тезиса о необходимости формирования монолитного класса, полностью осознающего свои интересы; утверждение единственной цели субъекта. Далее мы рассмотрели теоретические источники, которые необходимы для понимания постмарксистских подходов к политике. Нами были проанализированы три таких подхода: теории Ж. Рансьера, А. Бадью и Э. Лакло. Все рассматриваемые постмарксисты определяют политику следующим образом: она имеет характер непредзаданной антагонистической борьбы между политическими агентами, которая завершается властным решением, неприемлемым для одной из сторон конфликта. В конце статьи нами были рассмотрены положительные и отрицательные черты постмарксистского подхода. К положительной стороне можно отнести предоставляемую подходами возможность посмотреть на политику с перспективы, дистанцированной от государственного аппарата. К отрицательным сторонам мы отнесли: онтологизацию политики, невозможность проведения «конкретного анализа конкретных ситуаций», формирование установок политического пессимизма и квиетизма.

Литература

Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий курс метаполитики. М. : Логос, 2005.

Гололобов И. В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Введение // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 129–136.

Маркс К. Соч.: в 39 т. Т. 4. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.

Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб. : Machina, 2013.

Фуко М. Археология знания. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.

Шмитт К. Понятие политического. СПб. : Наука, 2016.

Badiou A. Being and Event. New York : Continuum, 2005.

Fiskin T. The Turn to the Political: Post-Marxism and Marx's Critique of Politics. Berkeley : UC Press, 2012.

Hallward P. Badiou: A Subject to Truth. London : University of Minnesota Press, 2003.

Laclau E. Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism – Fascism – Populism. Atlantic Highlands, New Jersey : Humanities Press, 1977.

Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. London : Verso Books, 1990.

Marchart O. Post-Foundational Political Thought: Political Difference in Nancy, Lefort, Badiou and Laclau. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007.

Ranciere J. The Ignorant Schoolmaster: Five Lessons in Intellectual Emancipation. California : Stanford University Press, 1991.

Ranciere J. Althusser's Lesson. London : Continuum, 2011.

Stavrakakis Y. Lacan and the Political. London : Routledge, 1999.

Tormey S. Key Thinkers from Critical Theory to Post-Marxism. London : Sage Publications, 2006.